

⁴⁴ Казарин В.Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 5.

⁴⁵ Иркутский государственный университет: 80 лет: библиограф. указ. 1918–1998 / сост.: В.К. Пешкова, Г.Ф. Ямщикова / науч. ред. В.В. Свинин. Иркутск, 1998. С. 58.

⁴⁶ Спутник-календарь города Иркутска на 1918 г. Иркутск, 1918. С. 4–5.

Л.В. КУРАС

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ БУРЯТ В НАЧАЛЕ XX в.: «ПЕРИОД СЪЕЗДОВ»

Объединение родовой аристократии, буддийского духовенства и молодой бурятской интеллигенции в начале XX в. ознаменовало собой новый этап в национальном движении бурят — этап проведения общепурятских съездов в 1905–1906 гг., сыгравших в его развитии заметную роль. 26–30 апреля 1905 г. впервые в истории бурятского народа в Чите состоялся съезд бурят Забайкальской области, а 20–26 августа того же года — съезд бурят Иркутской области. В решениях съездов отразилась необходимость введения местного самоуправления, ограждения земельных угодий от изъятия в колонизационный фонд, обязательного обучения детей грамоте, снятия ограничений в приеме в высшие и средние учебные заведения. Национальное движение в этот период вылилось в конкретные действия, направленные на возвращение и защиту национальной религии, поэтому ламское духовенство возглавило его наряду с родовой аристократией.

Поводом к сбору первого Верхнеудинского совещания настоятелей дацанов и представителей прихожан послужила необходимость пересмотра нормативных актов, ограничивающих права инородцев. Основным итогом совещания стало обращение к областной администрации о созыве съезда представителей ламских духовных обществ и сведущих почетных представителей бурят. Давая санкцию на проведение съезда, администрация рассчитывала, что он поможет «просветить» темную массу, предупредив при этом, что съезду отводится лишь совещательная роль.

Основную массу участников съезда составляла родовая аристократия, однако в его работе приняли участие также представители духовенства и интеллигенции — преподаватель института восточных языков, военный врач Б. Ямпиров, переводчик кяхтинского пограничного комиссара Бимбаев, учитель Б. Очиров, студенты петербургских вузов Б. Барадин и Ц. Жамцарано, которые оказали заметное влияние на работу съезда.

Вопреки запрету властей съезд поставил для себя целью, писала газета «Верхнеудинский листок» от 8 июля 1905 г., «...обсуждение назревших вопросов, касающихся общественного самоуправления бурят, свободы вероисповедания, народного образования, прав собственности на принадлежащие им (бурятам) земли и пр.»¹.

Важнейшим был вопрос о национальном самоуправлении, в котором активное участие принимали представители интеллигенции. С их помощью съезд «весьма тонко справился с проектом самоуправления, над которым висел запрет губернатора о недопустимости возврата к родовому строю». Формально съезд исходил из территориального принципа. В качестве низшей административной единицы был принят не аймак, а булук, следующая административная единица — территориальная «инородная управа» из представителей булуков; но третьей должна была стать дума, территория которой естественным образом совпадала с прежним ведомством. Таким образом, съезд в основном соглашался с территориальным принципом и вместе с тем восстанавливал родовую структуру управления. Для выражения интересов всех бурят и тунгусов Забайкальской области вводился институт периодических съездов из представителей (от трех до пяти) от каждого ведомства.

В области судопроизводства проект решения съезда предусматривал выборность трех категорий суда: 1) почетный третейский; 2) инородческий суд первой инстанции; 3) съезд инородческих судей с особым выборным председателем — вторая и последняя инстанция. Предполагалось кодифицирование «обычного права» и судопроизводство на бурятском языке. Компетенция суда ограничивалась мелкими уголовными делами и гражданскими без ограничения суммы иска.

По земельному вопросу съезд высказался за юридическое оформление владения землей и обмежевание, а также за прирезки земель по казенно-оброчным статьям к некоторым обществам.

В сфере народного образования в школах, содержащихся на средства местного самоуправления, было решено ввести всеобщее обязательное обучение монгольской грамоте. Школой следующей ступени предполагалось сделать школу по типу министерских, где наряду с преподаванием общеобразовательных предметов на монгольском языке преподавался бы и русский. Решением съезда отменялись все ограничения при приеме в высшие школы по религиозному признаку, вводились казенные стипендии, которые с каждым годом должны были увеличиваться.

Что касается вопросов культа, то съезд ходатайствовал об отмене разных ограничений, освобождении от повинностей штатного духовенства и об официальном именовании ламаистов буддистами. Было также принято постановление, по которому земли, отведенные по закону 1853 г. штатному духовенству, отбирались в пользу школ и учащихся при дацанах. Съезд признал необходимым издание литературно-экономической газеты на монгольском языке без предварительной цензуры и образование фонда народного просвещения². Анализируя проект, принятый съездом, Л.Я. Штернберг отмечал, что он «...дал бы бурятам достаточную национально-культурную автономию»³.

Другим важным в политическом отношении событием явился съезд бурят Иркутской губернии, где национальное движение было еще более

интенсивным, чем у восточных бурят. Съезд состоялся в Иркутске, на нем присутствовало 77 делегатов от большинства бурятских ведомств губернии. В работе съезда принял активное участие и внес на обсуждение свой проект земельной реформы М.Н. Богданов, один из представителей молодой бурятской интеллигенции. Решения Иркутского съезда во многом перекликались с Читинским: здесь также одним из главных был вопрос о национальном самоуправлении и автономии. Однако, в отличие от Читинского, съезд проектировал органы нового национального самоуправления по типу земских учреждений. На такое решение, видимо, наложила отпечаток двадцатилетняя давность ликвидации Степных дум у бурят Иркутской губернии. Читинский же съезд видел органы национального самоуправления в форме «инородных управ» и дум.

Иркутский губернский съезд предваряла целая кампания съездов по улусам и уездам. В июле 1905 г. в с. Бохан по вопросу о проведении съезда совещались представители пяти бурятских ведомств; представители Иркутского и Верхоленского уездов собрались в селе Ользоны, где ими был поднят вопрос о бурятском самоуправлении. В то же время собрался съезд бурят Балаганского ведомства. Их резолюции объединяла идея национального самоуправления, «...красной нитью во всех проектах о земстве» проходило «последовательное отрицание и полное недоверие к смешанной уездной инстанции земского самоуправления»⁴.

Вслед за Читинским и Иркутским последовал ряд других общих и частных съездов, а также собраний и совещаний. 10–15 января 1906 г. состоялось совещание бурят — будущих представителей «партии прогрессистов». В конце весны прошел Общезабайкальский съезд, поднявший вопросы о немедленном приостановлении всяких посягательств на земли бурят со стороны Казны и Кабинета, допущении представителя от буддийского духовенства в Государственный совет и предоставлении прав настоятелям дацанов.

В течение лета и осени 1906 г. забайкальские буряты проводили и другие съезды, а также всевозможные конференции и съезды учителей, групп духовенства, политических деятелей разных направлений. Одним из наиболее интересных и значительных был проведенный в мае съезд профессиональной политической организации учителей и деятелей народного образования. Эта организация, получившая название «Буряад зоной туг» («Знамя бурятского народа»), сложилась под влиянием идей «крайних народников». Ее деятельность связана с именем одного из передовых представителей бурятской интеллигенции, в то время слушателя Санкт-Петербургского университета Ц. Жамцарано. Съезд принял резолюцию о необходимости объединения культурных сил бурят для просвещения и национализации школы.

Состоявшийся в августе второй съезд этой организации был значительным шагом вперед. Он принял устав, в первом параграфе которого

были сформулированы следующие задачи: 1) способствовать национальному возрождению бурят; 2) способствовать просвещению бурят в широком смысле слова; 3) национализировать школу; 4) добиваться национального самоопределения и автономии.

Важнейшей задачей съезд считал введение бурятского языка как языка преподавания. В связи с этим встал вопрос об алфавите. Считая предложенный Министерством просвещения проект русского алфавита не соответствующим бурятской фонетике, съезд принял за основу монголо-бурятский алфавит в редакции Агвана Доржиева.

Решения учительских съездов сыграли значительную роль в дальнейшем развитии национально-освободительного движения. Однако царское правительство проигнорировало постановления бурятских съездов 1905–1906 гг. Это заставило бурят снова снаряжать делегации в Читу и Санкт-Петербург. По свидетельству Ц. Жамцарано, с осени 1905 до весны 1906 гг. в Петербурге побывало до 20 депутатов с различными ходатайствами⁵, которые, как и прежде, содержали просьбы об отмене законов о поземельном устройстве и волостной реформе, а также об утверждении принятых съездами решений. Ни одна из просьб не была удовлетворена, если не считать разрешения забайкальским бурятам иметь своего представителя во II Государственной думе. Однако даже такой незначительной уступке царских властей бурятами придавалось большое значение. Газета «Верхнеудинский листок» от 25 ноября 1905 г. с восторгом писала: «Делегация везет радостную весть: ей обещано включить в думу одного отдельного представителя от бурят Забайкальской области»⁶.

На местах, куда из центра России докатилась революционная волна, наступила пора агитации и митингов, а когда власти растерялись, начались протесты и явочные действия. Буряты ликвидировали существующие органы управления, восстанавливая старые. Например, буряты 11 родов Хоринского ведомства 19–20 декабря 1905 г. на совещании в с. Анинском решили возродить Степную думу, упразднив все должностные посты новых властей⁷. Профессор Н.Н. Козьмин писал, что «...зabayкальские буряты вынесенные на съездах резолюции претворяли в жизнь, закрыв насильственно введенные у них крестьянские учреждения, изгнав «иностранцев начальников» и восстановив Степные Думы. Это была не одна «пропаганда действием», или «воспитание в действии», но и опыт организованного массового творчества»⁸.

Консолидируясь вокруг стратегических целей национального возрождения и самоопределения, его участники расходились во взглядах на тактику и средства их достижения. Еще в ходе подготовки и проведения съездов сформировались две группы, представлявшие собой, по сути, «зачатки политических организаций», или вполне определенные программы действий. Первая — «стародумцы» — стояла за возвращение к национальному самоуправлению по Уставу Сперанского, видя в нем

основу «автономности», солидарности и защиту от денационализации. Возглавляемая бывшим тайшой Хоринского ведомства Э. Вамбоцыреновым, эта группа, четко сформулировала свои взгляды на ноябрьском (1905 г.) съезде в Верхнединске. Ц. Жамцарано отмечал, что среди руководителей группы большую часть составляли «бескорыстные крайние народники и за ними были симпатии огромного большинства народа»⁹.

Вторая группа, очень немногочисленная, называла себя «партией прогрессивных бурят». Организаторами ее были и.о. профессора Восточного института Г. Цыбиков, депутат II Государственной думы Б.-Д. Очиров, врач Б. Ямпиллов. В группу входили люди с образованием, близко стоящие к администрации, а также представители родовой аристократии. Солидаризируясь со «стародумцами» в вопросах землеустройства, образования, отмены закона 1901 г., они коренным образом расходились с ними в вопросе о самоуправлении. «Прогрессисты» выступали за национальное самоуправление по типу земства на демократических началах. Между «прогрессистами» и «стародумцами», по оценке Ц. Жамцарано, была «смертельная вражда».

Наряду с этими политическими группировками появилось «левое» крыло национального движения. Наиболее яркими его представителями были «западники» и «крайние народники». Программа «западников» по существу была ассимиляторской. Они исходили из неизбежности экономической эволюции, которая унесет все старые экономические и социальные устои бурятской жизни и вместе с ними все индивидуально-национальные черты бурятского народа. Поэтому всякая работа по сохранению бурятской народности, их мнению, — явление не только бесполезное, но и вредное.

«Крайние народники» были полной противоположностью «западникам». Программой-минимум этой группы являлось широкое самоуправление, сохранение и развитие существующего аграрного строя, национализация школы, установление общей монгольской письменности. В национально-культурном отношении их конечной целью было возрождение на почве европейского просвещения бурятской народности, которая, с их точки зрения, должна была стать авангардом общенационального и общемонгольского объединения¹⁰. Очевидно, именно программа этой политической группы в последующие годы послужила основой обвинения деятелей национального движения в панмонголизме.

Таким образом, к 1905 г. в национальном движении существовали разные взгляды на его цели и задачи. Сам факт образования политических группировок в рамках движения, а также их деятельность и противоборство между собой были отражением «идеологических и экономических процессов, имевшихся в бурятской жизни». Возникший в ходе съездовских дискуссий (особенно на двух учительских съездах) спор о преимуществах латинского и монгольского алфавитов имел более глубокую подоплеку, нежели просто разногласия по проблемам письменности.

За этими спорами стоял принципиально важный, с точки зрения бурят, вопрос о том, «ориентироваться ли безоговорочно на западно-европейскую культуру или на культурное объединение с монголами, дабы общими усилиями вести культурную работу»¹¹. В то же время именно в отношении к данному вопросу у разных группировок прослеживаются общие тенденции, пронизывающие красной нитью национальное движение, а в дальнейшем — процесс образования национальной автономии и национально-государственного строительства в национальной республике.

По сравнению с периодом стихийных выступлений съезды продемонстрировали возросший политический уровень развития народа, который уже осознавал свои национальные интересы и начал поиск путей их реализации. Примечательна оценка, данная «периоду съездов» Л. Штернбергом: «Психика инородца радикально изменилась. Он осознал свое право, он уверовал в себя, у него явились идеалы, он обрел верную, преданную интеллигенцию, он ступил, наконец, на путь самостоятельности»¹².

По оценке профессора Н.Н. Козьмина, эти съезды «...были самыми организационно сильными; на них не было той мелочности, перепутанности вопросов местной колокольни с имеющими общеполитический интерес, которыми иногда в наивных формах страдали другие съезды и конференции. Большим съездам губернского или уездного масштаба предшествовали улусные и районные совещания и съезды, происходившие в «степи»¹³.

По сравнению с традиционными ранее съездами тайшей съезды 1905–1906 гг. отличались широтой географии и представительства. Они стали своеобразной дискуссионной трибуной, где определялось сходство и различие взглядов их участников и вырабатывались программы и резолюции по важнейшим вопросам жизни бурят. Именно на этом этапе национального движения идеи самоопределения впервые оформились в требование о национальной автономии.

Высокому уровню организации съездов способствовало наличие родовой структуры самоуправления, которая с началом национального движения дополнительно к уже имеющимся у нее функциям стала, по существу, играть роль его организационной основы. Наличие такой основы помогало в короткие сроки обеспечивать созыв и проведение как низовых, так и общих съездов.

Значение съездов состояло также в том, что они были важным этапом в деле консолидации бурятской народности в нацию, подтверждением чему может служить предложение об объединении всех бурят, выдвинутое на Иркутском губернском съезде.

На смену «периоду съездов», наиболее активному и плодотворному в еще робких, но все же попытках национального самоопределения, приходит довольно продолжительный период спада национально-

го движения, вызванный реакцией. В условиях поражения революции 1905–1907 г. были объявлены выборы во II Государственную думу. От инородцев Забайкальской области в нее был избран член партии «прогрессивных бурят», волостной старшина Акшинской волости Читинского уезда Бато-Далай Очиров. Его кандидатуру, кроме «прогрессистов», поддержало и ламское духовенство. Факт избрания представителя бурят депутатом Государственной думы был результатом их многолетней борьбы за национальные права. В то же время он стал последним завоеванием этого этапа национального движения: уже 3 июня 1907 г. правительство распустило Государственную думу.

Выборы депутатов в III Государственную думу были многоступенчатыми. Сложная процедура была нацелена на то, чтобы не допустить туда представителей «неудобных» правительству групп населения, в том числе национальных меньшинств. По этой системе буряты выбирали одного депутата, но вместе с русским населением. В результате прошедших 20 октября 1907 г. выборов в депутаты III Государственной думы прошел кадет М.К. Волков, выборщик от Читы. Наказ, данный ему представителями бурятского населения, был отвергнут царским правительством в лице Иркутского генерал-губернатора — интересы бурят в очередной раз были проигнорированы.

После поражения революции, пытаясь укрепить свое пошатнувшееся положение, правительство в рамках Столыпинской реформы возобновило в Забайкалье повсеместные землеустроительные работы, прерванные в 1904 г. в связи с подъемом национального движения, а затем — с революционными событиями 1905 г. Однако выступления бурят против реформы не прекратились. В 1907 г. в Зунгаро-Быкотском ведомстве Балаганского уезда Иркутской губернии «инородцы», по сообщению жандармского управления, самовольно оставили работы по исправлению Тыреть-Жигаловского тракта. В июне 1908 г. произошли волнения бурят Боханского ведомства в связи с требованием местных властей исполнить дорожную повинность. На подавление были направлены солдаты и полиция. В январе 1909 г. буряты Голоустинского улуса Кудинского ведомства отказались от уплаты недоимок за прошлые годы. Лишь усилением репрессий правительству удалось сломить сопротивление бурят.

В связи с этим заселение земель Иркутской губернии, планировавшееся на 1908 год, растянулось на долгие годы, захватив начало империалистической войны. В Забайкальской области новые группы переселенцев появились в 1909 г.¹⁴ В последующие годы наплыв переселенцев увеличился в несколько раз. Одновременно с землеустройством вводились волостные учреждения. С началом работы новых органов управления у бурят Иркутской губернии волостные учреждения и институт «крестьянских начальников» были введены и по всему Забайкалью. Но эта работа была завершена только к 1916 г.

Примечания

¹ Революционное движение в Бурят-Монголии: сб. документов / под ред. П. Т. Хаптаева. Улан-Удэ, 1955.

² НАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

³ Штернберг Л.Я. Инородцы. Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 616.

⁴ Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 112.

⁵ Штернберг Л.Я. Указ. соч. С. 620.

⁶ Революционное движение в Бурят-Монголии в период революции 1905 года... С. 165.

⁷ Кудрявцев Ф.А. 1905 год в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1936. С. 51.

⁸ Козьмин Н.Н. 1905 год и буряты. Иркутск, 1926. С. 6.

⁹ Штернберг Л.Я. Буряты... С. 621.

¹⁰ Елаев А.А. Указ. соч. С. 115.

¹¹ Там же.

¹² Штернберг Л.Я. Указ. соч. С. 573.

¹³ Козьмин Н.Н. Указ. соч. С. 6.

¹⁴ Штернберг Л.Я. Указ. соч. С. 573.

В. П. ШАХЕРОВ

ГОРОДСКАЯ ТОРГОВЛЯ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

О степени распространения постоянной торговли свидетельствовало большое количество лавок в ведущих городах Иркутской губернии. В Иркутске уже в конце 1780-х гг. действовало 2 гостиных двора с 467 лавками, хлебный рынок, где находилось 67 торговых точек, 13 харчевен, мясные и рыбные ряды. Современники справедливо называли его «средоточием всей многообразной Сибирской торговли, через который проходят или провозят разные товары, как следующие из России в Якуту, в Якутск и в Камчатку, так и отправляемые из многих мест в Москву, на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки лучшие пушные и также разные китайские товары»¹. Губернский центр выступал в роли гигантской перевалочной базы, распределяя партии товаров по обширной территории Восточной Сибири.

Значительное количество лавок гостиных дворов говорило в основном о высокой степени развития оптовой торговли. Большинство из них действовало только в период ярмарок, а в остальное время пустовали или использовались под складские помещения. Так, в 1823 г. в Иркутске из 146 лавок купеческого гостиного двора было занято товарами 110, в мещанском ряду — 58 из 73, а торговля производилась всего в 13 лавках². Розничная же торговля велась на торговых рынках и в рядах, а также